Геннадий Колодкин

МИР НИКДОЛОКА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Геннадий Колодкин

Мир Никдолока

«Автор»
2026

Колодкин Г.

Мир Никдолока / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Его звали Никдолок. Имя, которое царапало слух и одновременно гипнотизировало. Оно было похоже на скрежет металла и шепот ветра в заброшенном храме. Никто не знал, откуда он взялся. Он просто появился однажды на центральной площади, где раньше стоял памятник здравому смыслу. Теперь там стоял Никдолок.Он не был человеком. И не был машиной в привычном понимании. Он был ходячей, дышащей Абстракцией. Его тело постоянно менялось. Вот он — конгломерат из хромированных сфер и неоновых трубок, а в следующий миг — силуэт, сотканный из стаи ворон, которые каркали формулы теории струн. Его лицо было калейдоскопом чужих воспоминаний: глаза старой актрисы, улыбка утонувшего ребенка, шрам давно забытого солдата.Никдолок — это явление. Никдолок — это то, что перевернуло мир.

© Колодкин Г., 2026
© Автор, 2026

Геннадий Колодкин
Мир Никдолока

МИР НИКДОЛОКА
Мимоходом

Геннадий Колодкин

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС ПО-ЧЕРНОБЫЛЬСКИ

- Яблочки из Чернобыля! Яблочки из Чернобыля!
- Товарищ! Послушайте! Это же откровенная антиреклама! У вас так никто не купит!
- Да нет. Берут: кто для тещи, кто для жены…
(Анекдот)

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС
— Чернобыльс
Чернобыльск
ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ
ЯБЛОКИ
—
пок
Km
kn

Рынок гудел, как растревоженный улей. Бабки в цветастых платках нахваливали свои огурчики, мужики с честными пролетарскими лицами предлагали «почти новый» инструмент, а где-то в углу цыганка пыталась продать воздух, завернутый в газету. В этом хаосе звуков и запахов особенно выделялся один голос — звонкий, наглый и совершенно не вписывающийся в общую картину.

— Яблочки из Чернобыля! Свежайшие, прямо из Зоны! Налетай, разбирай!

За прилавком, сколоченным из двух ящиков, стоял тощий мужичок в выцветшей кепке. Звали его Петрович. Перед ним горкой лежали яблоки. Крупные, румяные, с глянцевыми боками, они выглядели так, словно сошли с рекламного плаката. Вот только светились они, казалось, собственным, едва уловимым зеленоватым светом.

Люди шарахались от его прилавка, как от прокаженного. Матери оттаскивали любопытных детей, мужчины крутили пальцем у виска, а бабки крестились и плевали через левое плечо.

К Петровичу подошел мужчина в строгом сером костюме, с портфелем и лицом, на котором застыло выражение вселенской скорби и партийной ответственности. Это был товарищ Сидоров, местный активист и борец за моральный облик советского гражданина.

— Товарищ! — возмущенно начал Сидоров, поправляя очки. — Послушайте! Что вы себе позволяете? Это же откровенная антиреклама! «Яблочки из Чернобыля»! У вас же так никто ничего не купит! Вы дискредитируете саму идею советской торговли!

Петрович оторвался от пересчитывания выручки — нескольких помятых купюр — и смерил активиста усталым взглядом.

— А мне много и не надо, — хмыкнул он.

— Да кто у вас вообще это берет?! — не унимался Сидоров. — Кому в здравом уме придет в голову покупать… это?

Петрович хитро прищурился и, понизив голос до заговорщицкого шепота, кивнул на коренастого мужика в спецовке, который как раз отсчитывал деньги за целый пакет яблок.

— Вон, видишь Степаныча? Он для тещи берет. Говорит, у нее юбилей скоро, семьдесят лет. Хочет, чтобы она до ста дожила, но как-то… по-особенному. Чтобы светилась от счастья, так сказать.

Сидоров ошарашенно проследил за Степанычем, который, прижимая к груди пакет с яблоками, удалялся с рынка с видом человека, решившего давнюю и сложную проблему.

— А вон тот, интеллигентного вида, в шляпе, — продолжил Петрович, указывая на другого покупателя, — для жены взял. У них годовщина свадьбы. Сказал, что устал от ее вечных упреков, что он «недостаточно яркая личность». Решил добавить в их отношения немного… сияния.

Сидоров молчал, его лицо медленно меняло цвет с партийно-серого на бледно-зеленый.

— А вчера приходил один… для начальника своего брал, — мечтательно протянул Петрович. — Жаловался, что тот его на работе совсем не замечает. Теперь, говорит, точно заметит. Даже в темноте.

Он подмигнул Сидорову и протянул ему самое крупное и румяное яблоко.

— Угощайся, товарищ. Бесплатно. Вижу, человек ты хороший, правильный. Может, и у тебя есть кто-то, кого хочется порадовать? Сделать жизнь ярче?

Товарищ Сидоров посмотрел на яблоко. Оно соблазнительно поблескивало в лучах солнца, и казалось, что внутри него пульсирует маленькое, зеленое сердце. Он вспомнил свою соседку сверху, которая каждый день в шесть утра начинала играть на пианино «Собачий вальс». Вспомнил председателя ЖЭКа, который третий год обещал починить протекающую крышу.

Он медленно протянул руку, взял яблоко и, не говоря ни слова, сунул его в портфель.

— А пакет… можно? — тихо спросил он. — На всякий случай.

Петрович усмехнулся.

— Конечно, товарищ. Для хорошего человека ничего не жалко.

Да, торговля шла не бойко. Но каждый покупатель уходил от прилавка Петровича с чувством глубокого удовлетворения и светлой надежды на будущее. Очень светлой. И очень радиоактивной.

КВАНТОВЫЙ СИДР И ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ТЕЩИ

Место действия: Нейтринный Базар К'Тарсиса, сектор 7G, "Туманность Вуали".
Время действия: Цикл 998.4 по Галактическому Стандартному Времени.

CHERNOBYL
SECTOR
APPLES

Торговец, существо по имени Глю'Орп, осторожно поправил свой антигравитационный лоток. Его три манипулятора-щупальца любовно протирали каждый экземпляр товара, а четвертый, самый тонкий и чувствительный, настраивал персональное поле стазиса, чтобы драгоценный груз не дестабилизировался от фонового излучения базара. Вокруг бурлила, переливалась и вибрировала толпа. Кремниевые гиганты с планеты Силекс-IV обменивались кристаллическими матрицами данных. Газообразные флуктуации из скопления Омега торговались за сгустки чистой информации. Аморфные слизевики с Гли'и'ба спорили о ценах на консервированные эмоции.

Но товар Глю'Орпа был уникален. Он был экзотикой. Он был статусом.

— Яблочки с Терры! Сектор "Чернобыль"! Эксклюзивный изотопный букет! — вибрировал его вокальный мешок, транслируя мыслеформу на дюжину стандартных галактических диалектов. — Чистейший стронций-90! Элегантный цезий-137! Нотки америция-241 для истинных ценителей!

К лотку подплыло массивное, хитиновое существо, чьи шесть фасеточных глаз анализировали товар с разных углов спектра. Это был К'Занн, брокер с биржи редких элементов.

— Послушай, Глю'Орп, — проскрежетал К'Занн, его мандибулы щелкнули, выражая скепсис. — Твоя маркетинговая стратегия вызывает у меня когнитивный диссонанс. "Чернобыль"? Ты же сам говоришь, что это зона катастрофы, место с аномально высоким уровнем энтропийного распада. Это же откровенная антиреклама! У тебя так никто не купит!

Глю'Орп издал низкий, булькающий смешок, который у его расы считался верхом самодовольства.

— О, мой многоглазый друг, ты мыслишь категориями третьего измерения, — прошелестел он, подталкивая щупальцем самое крупное яблоко, которое мягко светилось в темноте изумрудным светом. — Ты видишь "опасность", а мои клиенты видят "потенциал". Ты видишь "радиацию", а они — "уникальный энергетический подпис".

Он понизил "голос" до заговорщицкого шепота.

— Да не, берут. Еще как берут. Вот только что один уважаемый лорд с системы Антарес взял три килограмма. Говорит, для тещи.

К'Занн недоуменно моргнул всеми шестью глазами.

— Для... тещи? Зачем? Это же... нестабильный элемент. Он может вызвать неконтролируемые клеточные мутации или даже локальный временной парадокс при неправильном метаболизме.

— Именно! — Глю'Орп торжествующе взмахнул манипулятором. — Понимаешь, в высших кругах сейчас модно дарить подарки "с подтекстом". Это тонкая игра статусов. Преподнести теще корзинку этих яблок — это не просто знак внимания. Это демонстрация.

Он начал загибать щупальца, перечисляя:

— Во-первых, это демонстрация богатства. Доставить этот груз с окраины Млечного Пути, из карантинной зоны примитивной цивилизации, сохранив его нестабильную структуру — это баснословно дорого. Понты дороже денег, как говорят на Терре.

— Во-вторых, это демонстрация знаний. Ты должен разбираться в ядерной физике и экзобиологии, чтобы оценить всю прелесть изотопного распада цезия-137 в пищеварительном тракте кремнеорганической формы жизни. Это подарок для интеллектуалов.

— И в-третьих, — Глю'Орп сделал паузу, наслаждаясь моментом, — это тончайший намек. Ты как бы говоришь: "Уважаемая теща, я ценю вашу энергию. Она настолько велика и неукротима, что только объект с подобным периодом полураспада может служить достойным для вас угощением". Это комплимент на грани оскорбления. Высший пилотаж социальной дипломатии!

К'Занн задумался, его антенны затрепетали, обрабатывая информацию.

— А... для жены? — осторожно спросил он.

— О, для жены — это совсем другое! — оживился Глю'Орп. — Тут в дело вступает квантовая эстетика. Видишь это мягкое, неземное свечение? Эффект Вавилова-Черенкова в чистом виде. Никакой биолюминесценции, только чистая физика! Когда супруга ставит вазу с этими яблоками в своем гравитационном саду, она не просто украшает пространство. Она создает инсталляцию, демонстрирующую фундаментальные законы Вселенной. Это арт-объект, который к тому же можно съесть. Ну, теоретически.

К лотку подкатился еще один клиент — сферическое существо, общающееся цветовыми вспышками.

<Запрос: Два самых крупных экземпляра. Упаковать в свинцовый контейнер с гравировкой "Моей незабвенной". Срочно.>

— Сию минуту! — просиял Глю'Орп и, подмигнув К'Занну одним из своих трех глаз, прошептал: — Видишь? Еще один ценитель тонких семейных отношений.

К'Занн посмотрел на светящиеся яблоки, на суетливого Глю'Орпа, на удаляющегося клиента и вдруг осознал всю глубину межгалактического маркетинга. Это была не просто торговля радиоактивными фруктами. Это была торговля статусом, интеллектом и изощренной, почти поэтической пассивной агрессией.

— А знаешь, Глю'Орп, — проскрежетал он, доставая кредитный чип. — Пожалуй, я возьму одно. Самое неказистое. Для начальника отдела. Пусть думает, что это значит.

2.

Глю'Орп сноровисто упаковал яблоко для К'Занна в миниатюрный стазис-куб, добавив сверху голографическую ленточку, переливающуюся диаграммами распада плутония.

— Мудрое решение! — одобрил он. — Принцип неопределенности, примененный к карьерному росту. Он никогда не будет знать наверняка: это угроза, комплимент или просто экзотический фрукт? Вы создаете вокруг себя поле вероятностей! Это гениально!

Внезапно над базаром пронеслась тень. Все торговцы и покупатели инстинктивно пригнулись, втянули конечности и приглушили свои вокальные вибрации. К лотку Глю'Орпа плавно и бесшумно подлетел патрульный дрон Галактического Санитарного Надзора — идеальная сфера из отполированного до зеркального блеска металла, усеянная безразличными синими сенсорами.

Из сферы выдвинулся манипулятор, на конце которого материализовался спектрометр. Тонкий луч просканировал яблоки, и дрон издал монотонный, синтезированный звук, который был гораздо страшнее любого крика.

<Обнаружен объект класса "Терра-7". Уровень гамма-излучения: 4.7 зиверта в час. Период полураспада основного компонента: 30.17 земных лет. Классификация: биологическое оружие замедленного действия, категория "Пассивный геноцид". Товар подлежит немедленной аннигиляции. Торговец подлежит санитарной дезинтеграции.>

Глю'Орп мгновенно изменился в цвете, его хитиновая кожа побледнела до оттенка заплесневелого пергамента.

— Офицер, офицер, вы не понимаете! — затараторил он, размахивая всеми щупальцами. — Это не оружие! Это... это деликатес! Продукт высокой гастрономии! Посмотрите сертификат подлинности от "Припятского Агрохолдинга"!

Дрон не реагировал. Его манипулятор сменил спектрометр на плазменный резак, который начал медленно разогреваться, испуская фиолетовое свечение.

<Аргумент "деликатес" нерелевантен. Анализ показывает 98.7% вероятность использования продукта для несанкционированного терраформирования внутренних органов реципиента. Это прямое нарушение пункта 7.4.12 Межгалактической Конвенции о контроле за экзотическими патогенами и нестабильными элементами.>

К'Занн, все еще державший свой стазис-куб, медленно попятился. Но тут Глю'Орп, доведенный до отчаяния, решился на последний, самый рискованный маркетинговый ход в своей жизни.

— Но это же подарок! — взвизгнул он. — Подарок для вашей... э-э-э... Центральной Директивы!

Плазменный резак замер в миллиметре от лотка. Синие сенсоры дрона сфокусировались на торговце.

<Уточните.>

— Ну, — Глю'Орп лихорадочно импровизировал, — ваша Центральная Директива... она ведь такая... всеобъемлющая. Могущественная. Ее логика пронизывает все сущее, ее решения абсолютны. Ее энергия... она почти безгранична! Только такой объект, как это яблоко, с его богатым внутренним миром и неиссякаемым источником энергии, может служить адекватным выражением нашего... восхищения! Это не товар, это дань уважения!

Дрон молчал несколько долгих секунд, его внутренние процессоры, очевидно, анализировали концепцию "подарка для начальства" и "комплимента на грани". Наконец, он издал новый звук — короткий, одобрительный сигнал.

<Логика принята. Концепция "понт" интегрирована в базу данных как допустимая социальная стратегия. Объект переклассифицирован из "биологического оружия" в "статусный протокольный дар".>

Манипулятор втянулся, и дрон, забрав самое крупное и яркое яблоко прямо с лотка, так же бесшумно удалился.

Глю'Орп обмяк, тяжело дыша. К'Занн снова приблизился, его фасеточные глаза выражали крайнюю степень изумления.

— Ты только что продал радиоактивное яблоко полицейскому дрону... в качестве взятки... замаскированной под комплимент... его программному коду?

— Не продал, а подарил, — поправил Глю'Орп, вытирая со лба капли фиолетового пота. — Это основы межгалактического бизнеса, мой друг. Главное — не что ты продаешь, а как ты это упаковываешь. И помни: понты не просто дороже денег. Иногда они дороже жизни. Ну что, возьмешь еще одно, для себя? Со скидкой. Как коллеге по выживанию.

3.

К'Занн недоверчиво покрутил в манипуляторах свой стазис-куб. Внутри, в ледяном коконе времени, покоилось его собственное маленькое биологическое оружие, переквалифицированное в статусный протокольный дар.

— Нет, спасибо, — проскрежетал он. — Одного поля вероятностей вокруг моего начальника мне пока хватит. Но я впечатлен, Глю'Орп. Твоя способность к вербальной эквилибристике превосходит даже гравитационные аномалии в туманности Конская Голова.

Глю'Орп, уже оправившийся от шока, расправил щупальца и принял горделивую позу.

— Это не эквилибристика, это таргетированный нейролингвистический маркетинг. Я не продаю яблоки, я продаю нарратив. Историю. Легенду о запретном плоде с планеты, которая сама себя чуть не уничтожила. Это же чистый экзистенциализм! Драма в каждом укусе!

В этот момент к лотку приблизилась новая фигура, совершенно не похожая на других обитателей базара. Это было высокое, тонкое существо, закутанное в мерцающий плащ, сотканный, казалось, из самого звездного света. Его лицо скрывала гладкая маска из неизвестного белого материала, а движения были плавными и бесшумными, словно оно не шло, а скользило сквозь саму ткань пространства-времени.

— Я слышал, — произнес незнакомец голосом, который звучал одновременно повсюду и нигде, словно эхо из будущего, — что у вас есть артефакты с Терры. С высоким хроноэнтропийным потенциалом.

Глю'Орп мгновенно оценил клиента. Дорогая ткань плаща, маска, блокирующая любые виды сканирования, аура силы, от которой вибрировали его чувствительные антенны. Это был не просто богач. Это был кто-то из касты, о которой шептались в самых темных уголках галактики.

— К вашим услугам, о сиятельный, — промурлыкал торговец, его тон стал вкрадчивым и почтительным. — У меня лучший товар из запретного сада Терры. Каждый плод — это симфония нестабильных изотопов, поэма периода полураспада.

Незнакомец медленно протянул длинный, элегантный палец и указал на самое маленькое, сморщенное и невзрачное яблочко, завалившееся в угол лотка.

— Мне нужно это.

Глю'Орп опешил.

— Но, о великий, это же... брак. Экземпляр с нарушенной структурой. В нем почти нет цезия, один лишь стронций, и тот с аномально коротким периодом полураспада. Он даже почти не светится! Возьмите лучше вот этот, — он подтолкнул крупный, сочный на вид плод, — в нем идеальный баланс, он будет мягко ионизировать вашу пищеварительную систему на протяжении трех стандартных циклов!

— Мне не нужна ионизация, — отрезал незнакомец. — Мне нужна история. В этом плоде, в его несовершенстве, заключена суть катастрофы. Не мощь взрыва, а тихое угасание после него. Мне нужен не стейтмент, а мементо. Сколько?

— Э-э-э... — Глю'Орп растерялся. Продавать худший товар по цене лучшего? Или сделать скидку и потерять лицо? — Для такого ценителя... цена не имеет значения. Это дар!

— Я не принимаю даров, — холодно ответил незнакомец. Он щелкнул пальцами, и на прилавке материализовался крошечный, идеально ограненный кристалл, который, казалось, впитал в себя тьму космоса. — Этого хватит.

К'Занн, наблюдавший за сценой, ахнул. Это был кристалл темной материи. Стабилизированный. Одна такая крупица стоила больше, чем весь этот базар вместе с его обитателями.

Глю'Орп чуть не лишился чувств от такой щедрости. Он дрожащими щупальцами упаковал сморщенное яблочко в самый дорогой контейнер и протянул клиенту.

Незнакомец принял яблоко, и на мгновение его маска стала полупрозрачной. Под ней не было лица. Была лишь кружащаяся спираль звезд, галактика в миниатюре.

— Благодарю, — прошелестел голос. — Моя теща оценит. Она помнит рождение и смерть звезд. Ей будет приятно получить в подарок то, что так похоже на нее — маленькое, угасающее и невероятно токсичное.

И с этими словами существо растворилось в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах озона и двух совершенно ошеломленных торговцев.

Глю'Орп и К'Занн долго молчали, глядя на кристалл темной материи.

— Пожалуй, — наконец произнес К'Занн, — я все-таки возьму еще одно яблоко. Самое большое. И не для начальника. Для себя. Поставлю дома. Буду смотреть на него и вспоминать этот день. День, когда я понял, что во Вселенной есть три бесконечные вещи: ее размеры, человеческая глупость и межгалактические понты. И насчет Вселенной я не уверен.

4.

Глю'Орп бережно, словно величайшую святыню, переместил кристалл темной материи в свой личный сейф, встроенный прямо в антигравитационный лоток. Его три сердца колотились в разном ритме, создавая сложную полифонию жадности, страха и восторга. Он только что заключил сделку своей жизни, продав худший товар по цене, способной купить небольшую звездную систему.

— Ты слышал? Ты это слышал? — провибрировал он, поворачиваясь к К'Занну. — "Маленькое, угасающее и невероятно токсичное"! Это же... это же поэзия! Это новый рекламный слоган! Я озолочусь!

К'Занн, однако, смотрел не на лоток, а в ту точку пространства, где растворился таинственный покупатель. Его фасеточные глаза пытались проанализировать остаточные энергетические флуктуации.

— Я бы на твоем месте не торопился радоваться, Глю'Орп, — проскрежетал он задумчиво. — Существа, которые расплачиваются темной материей, не покупают просто так. Они покупают символы. А символы имеют свойство... активироваться.

Не успел он договорить, как весь Нейтринный Базар К'Тарсиса содрогнулся. Не от взрыва, а от внезапной, всепоглощающей тишины. Все звуки, вибрации, мыслеформы и цветовые сигналы разом смолкли. Торговцы и покупатели замерли, словно попав в локальное поле временного стазиса. Единственным, кто мог двигаться, оказался Глю'Орп, защищенный персональным полем своего лотка, и К'Занн, чья хитиновая броня обладала врожденной устойчивостью к хроно-аномалиям.

Прямо перед лотком Глю'Орпа воздух замерцал и сгустился, формируя голографический проекционный диск. На диске появилось изображение — древнее, как сама Вселенная, существо, чья форма постоянно менялась, перетекая из скопления туманностей в кристаллический фрактал, а затем в чистую математическую формулу. Но одно оставалось неизменным — выражение вселенской скуки и легкого раздражения, транслируемое на всех уровнях восприятия.

<ГЛЮ'ОРП. ТОРГОВЕЦ НЕСТАБИЛЬНЫМИ ФРУКТАМИ. ИДЕНТИФИЦИРОВАН.> — пророкотал голос, который, казалось, был источником наступившей тишины.

Глю'Орп почувствовал, как его манипуляторы-щупальца превращаются в вареные макароны. Он узнал этот энергетический подпис. Это была Великая Праматерь К'Тулху'Лорум, Теща Галактического Масштаба, существо, чей возраст исчислялся эонами, а дурной характер вошел в космологические константы. Та самая, которой, очевидно, и предназначался подарок.

— В-ваше К-космическое В-всемогущество... — пролепетал Глю'Орп. — Чем могу служить?

<МОЙ ЗЯТЬ, ВЕЧНО СТРАДАЮЩИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ МЕЛАНХОЛИЕЙ, ПРЕПОДНЕС МНЕ ВАШ... ПРОДУКТ.> — в голосе Праматери сквозила ледяная ирония. <ОН НАЗВАЛ ЭТО "МЕМЕНТО". НАМЕК НА МОЙ ПОЧТЕННЫЙ ВОЗРАСТ И, ЦИТИРУЮ, "ТОКСИЧНУЮ НАТУРУ". ОРИГИНАЛЬНО.>

— Это... это высшая форма комплимента! — пискнул Глю'Орп, повторяя свою заученную мантру. — Демонстрация...

<МОЛЧАТЬ, ОРГАНИК.> — прервала его Праматерь. <Я НЕ ЗА ЭТИМ. Я ПРОАНАЛИЗИРОВАЛА СТРУКТУРУ АРТЕФАКТА. СТРОНЦИЙ-90. ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА — 28.79 ЗЕМНЫХ ЛЕТ. ЖАЛКО. НЕСТАБИЛЬНО. НО... ИНТЕРЕСНО. В ЕГО РАСПАДЕ ЕСТЬ НЕКАЯ... ЭСТЕТИКА УВЯДАНИЯ. ОНА НАПОМНИЛА МНЕ ВКУС МОЕЙ МОЛОДОСТИ. ВКУС ПЕРВИЧНОГО БУЛЬОНА СРАЗУ ПОСЛЕ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА. ТАКОЙ ЖЕ ТЕПЛЫЙ, СЛЕГКА ГОРЬКОВАТЫЙ И ПОЛНЫЙ НЕИСПОЛНЕННЫХ ОБЕЩАНИЙ.>

Голографическое изображение на миг сфокусировалось на Глю'Орпе, и торговец почувствовал, как его сканируют на атомарном уровне.

<Я ХОЧУ ЕЩЕ. НО НЕ ЭТУ МЕЛОЧЬ. МНЕ НУЖЕН ИСТОЧНИК. МНЕ НУЖЕН ВЕСЬ ВАШ "ЧЕРНОБЫЛЬ". ЦЕЛИКОМ. СО ВСЕМИ ЕГО РЕАКТОРАМИ, САРКОФАГАМИ И РЫЖИМИ ЛЕСАМИ. Я УСТРОЮ ТАМ САНАТОРИЙ. БУДУ ПРИНИМАТЬ РАДОНОВЫЕ ВАННЫ И НОСТАЛЬГИРОВАТЬ. ДОСТАВЬТЕ. СРОК — ОДИН ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ. ОПЛАТА — ВАШЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ЭТОЙ РЕАЛЬНОСТИ.>

Проекция исчезла. Тишина спала, и базар снова наполнился шумом, словно ничего и не было. Торговцы и покупатели продолжили свои дела, не заметив паузы.

Глю'Орп медленно повернулся к К'Занну. Его три глаза вращались в разные стороны, один выражал панику, второй — отчаяние, а третий — отчаянно пытался просчитать логистические издержки телепортации целой карантинной зоны с окраины галактики.

— Она... она только что заказала у меня всю Чернобыльскую Зону Отчуждения... в качестве спа-курорта, — прошептал он.

К'Занн задумчиво поскреб мандибулой по своему хитиновому панцирю.

— Ну что ж, Глю'Орп, — сказал он с несвойственным ему сочувствием. — Похоже, твои понты только что вышли на планетарный уровень. Поздравляю. Ты перешел от розничной торговли пассивной агрессией к оптовым поставкам экзистенциального террора. Это определенно новый уровень в бизнесе. Тебе понадобится корабль побольше. И очень, очень хороший юрист.

5.

Глю'Орп издал звук, похожий на скрежет сжимаемого вакуума. Его обычно упругие щупальца безвольно повисли, а антигравитационный лоток накренился, рискуя рассыпать драгоценный радиоактивный товар по всему сектору.

— Корабль побольше? Юрист? — просипел он, обращаясь скорее к пустоте, чем к К'Занну. — Мне понадобится армия, флот и команда психотерапевтов, чтобы просто договориться с местными формами жизни! Они же примитивные, но агрессивные! У них там палки, которые плюются свинцом, и они поклоняются каким-то бумажкам с портретами своих мертвых вождей!

К'Занн методично постукивал одним из своих шести манипуляторов по стазис-кубу с яблоком для начальника.

— Технически, это не твоя проблема. Заказчик уровня Великой Праматери обычно решает вопросы с аборигенами самостоятельно. Чаще всего путем перевода их в состояние реликтового излучения. Твоя задача — логистика. Как ты собираешься изъять целый кусок планеты, не нарушив при этом еще пару сотен пунктов Межгалактической Конвенции? Тот дрон из Саннадзора покажется тебе милым домашним питомцем по сравнению с Патрулем Времени. Они очень не любят, когда кто-то вырывает из хронологии целые исторические эпохи вместе с ландшафтом.

Глю'Орп начал лихорадочно перебирать в уме варианты. Контрабанда? Слишком большой объект. Официальный запрос через Галактический Сенат? Бюрократия займет три эона, а у него всего один цикл. Силовой захват? Его торговый катер был вооружен лишь системой отпугивания астероидов и очень громким клаксоном.

Внезапно его третий глаз, отвечающий за нестандартные решения, сфокусировался. Взгляд его стал осмысленным и хищным.

— А зачем изымать? — прошептал он, и в его голосе зазвенели знакомые маркетинговые нотки. — Зачем тащить гору к Магомету, если можно продать Магомету абонемент на посещение горы?

К'Занн прекратил постукивать.

— Разверни мысль.

— Это же гениально! — Глю'Орп снова воспрял духом, его щупальца зашевелились, выстраивая в воздухе невидимые схемы. — Я не буду ничего забирать! Я превращу Чернобыльскую Зону в эксклюзивный, закрытый, элитный спа-курорт! Я не поставщик, я — туроператор!

Он развернулся к К'Занну, его глаза горели предпринимательским огнем.

— Представь себе! "Chernobyl Zone SPA & Wellness Retreat"! Слоган: "Почувствуй распад в каждой клетке!". Мы предложим уникальные процедуры: обертывания графитовой пылью

из четвертого энергоблока, ингаляции парами изотопов йода, прогулки по Рыжему лесу для стимуляции регенеративных процессов через шоковую мутагенную терапию! А для гурманов — дегустация местной фауны, чья ДНК представляет собой увлекательный ребус!

— Ты спятил, — констатировал К'Занн, но в его голосе уже не было скепсиса, а лишь чистое, незамутненное изумление. — Аборигены? Правительство Терры?

— Детали! — отмахнулся Глю'Орп. — Я зарегистрирую на Терре офшорную компанию. Назову ее... "Гринпис". Звучит безобидно и даже как-то экологично. Под видом научной миссии по изучению последствий катастрофы я скуплю всю Зону. Аборигенам я скажу, что строю самый большой в их мире парк развлечений с гигантским колесом обозрения. Они любят такие штуки. Они даже не заметят, как их "колесо обозрения" окажется генератором защитного поля, скрывающего от их примитивных спутников визиты Великой Праматери.

Он схватил К'Занна за манипулятор.

— А ты, мой многоглазый друг, станешь моим партнером! Ты же брокер редких элементов! А что может быть реже, чем эмоции существа вселенского масштаба, которое довольно своим отпуском? Мы будем продавать не просто туры. Мы будем продавать право находиться в одной пространственно-временной точке с довольной тещей Галактики! Это высшая форма статуса! Это гарантия безопасности! Ни один рейдер, ни один налоговый инспектор не сунется в систему, где отдыхает сама К'Тулху'Лорум!

К'Занн медленно отцепил от себя его щупальце. Он посмотрел на кристалл темной материи в сейфе Глю'Орпа, затем на свое яблоко в стазис-кубе, а потом на самого Глю'Орпа, который уже мысленно рисовал рекламные голо-буклеты с изображением Праматери в шезлонге на фоне саркофага.

— Знаешь, Глю'Орп, — проскрежетал он после долгой паузы. — Я всегда считал, что самый опасный объект во Вселенной — это черная дыра. Но я ошибался. Самый опасный объект во Вселенной — это торговец, которому нечего терять и у которого появилась гениальная, абсолютно безумная идея. Я в деле. Но если твоя клиентка случайно чихнет и сотрет Солнечную систему, я скажу, что просто проходил мимо.

6.

Глю'Орп издал торжествующий клекот. Партнерство было заключено. Теперь его безумная авантюра обретала респектабельные черты бизнес-проекта.

— Отлично! — он деловито потер щупальца друг о друга. — Ты займешься финансовой стороной и юридическим прикрытием. Найди мне самую запутанную и непрозрачную юрисдикцию на этой планете. Что-нибудь с пальмами и подставными директорами. А я беру на себя маркетинг и работу с клиентом. Первым делом нужно составить бриф для Праматери. Узнать ее предпочтения: какой уровень фонового излучения для нее наиболее комфортен, предпочитает ли она альфа- или бета-распад для утренних процедур, есть ли у нее аллергия на плутоний...

В этот момент его прервал тихий, но настойчивый сигнал, исходящий от его собственного лотка. Это было входящее сообщение по защищенному каналу, который Глю'Орп использовал только для самых проверенных и богатых клиентов. На поверхности лотка замерцала голограмма: логотип в виде стилизованной спирали ДНК, обвивающей знак радиации. Это была эмблема "Гено-Кутюр", самого элитного ателье в галактике, специализирующегося на создании живых, био-модифицированных аксессуаров для высшего света

Глю'Орп торопливо активировал связь.

<Глю'Орп? Это маэстро З'Зикс. До меня дошли слухи... невероятные слухи. Вы действительно контактировали с... Ней?> — голос в передатчике был маслянистым и полным творческого трепета.

— Маэстро! Какая честь! — расплылся в любезностях Глю'Орп, мгновенно переключаясь в режим VIP-обслуживания. — Слухи, как всегда, преуменьшают реальность. Я не просто контактировал. Я стал ее эксклюзивным консьержем по вопросам экзотического отдыха.

В передатчике послышался вздох, полный вдохновения.

<Великолепно! Я должен, я просто обязан создать для Нее капсульную коллекцию! Только представьте: живая горжетка из чернобыльской полевки-мутанта, чья шерсть переливается всеми цветами спектра благодаря стронцию в костном мозге! Или брошь в виде гигантского сома из пруда-охладителя, чьи усы светятся в темноте и способны улавливать гравитационные волны! Это будет вершиной моего творчества! Это будет...>

— Это будет стоить очень дорого, — деловито перебил Глю'Орп. — И потребует эксклюзивного контракта на поставку биоматериала. Мой партнер, господин К'Занн, свяжется с вами для обсуждения деталей.

Он отключил связь и повернулся к ошеломленному К'Занну.

— Видишь? Мы еще даже не начали, а инвесторы и партнеры уже выстраиваются в очередь! Это будет не просто курорт. Это будет центр моды, искусства и науки! Мы создадим целую экосистему бизнеса вокруг одной капризной космической сущности!

К'Занн медленно переводил взгляд с Глю'Орпа на свой стазис-куб.

— Ты только что договорился о продаже мутировавших мышей в качестве модного аксессуара, — констатировал он. — И я почему-то даже не удивлен. Что дальше? Продажа прав на трансляцию ее отпуска в формате реалити-шоу "Теща на каникулах"?

Глю'Орп замер на секунду, а затем его третий глаз хищно блеснул.

— К'Занн, мой друг... ты гений! Это же золотая жила! Мы продадим права на эксклюзивную трансляцию каналу "Космо-ТВ"! Представляешь рейтинги? "В сегодняшней серии: Праматерь К'Тулху'Лорум пытается приготовить борщ из местных ингредиентов, вызывая локальный временной парадокс!" или "Скандал на курорте: Великая Теща недовольна уровнем сервиса и угрожает свернуть Вселенную в сингулярность!". Это будет хит!

Он уже не мог остановиться. Его разум, разогнанный адреналином и перспективой немыслимой прибыли, генерировал идею за идеей.

— Мы запустим линию сувениров! Светящиеся в темноте матрешки в виде саркофага! Фирменный напиток "Тархун-239"! Мы организуем сафари на мутировавших волков! Мы откроем казино, где ставки делаются не деньгами, а вероятностями событий!

К'Занн поднял манипулятор, призывая его остановиться.

— Тормози, визионер. У нас все еще есть одна маленькая, микроскопическая проблема. Мы должны как-то попасть на эту Терру, купить там кусок земли размером с небольшую страну и убедить местных не стрелять в нас из своих примитивных пушек. И все это — не привлекая внимания Галактического Надзора.

Глю'Орп на мгновение сдулся, но тут же нашел решение.

— Для этого у нас есть идеальное прикрытие. Мы полетим туда не как завоеватели или бизнесмены. Мы полетим туда как... экологи. Спасать планету. Устраивать конференцию по глобальному потеплению. Эти терране просто обожают чувствовать вину за свою планету. Мы скажем им, что хотим построить в Чернобыле гигантский заповедник для уникальных видов, которые они сами же и создали. Они нам еще и денег за это дадут!

Он победоносно посмотрел на К'Занна.

— Понты, мой друг. Понты работают на всех уровнях цивилизации. Главное — правильно подобрать упаковку. Для одних это "статусный дар", для других — "экологическая миссия". А суть одна — продать радиоактивное яблоко. Или целую зону отчуждения. Неважно.

К'Занн долго молчал, обрабатывая весь этот поток безумия. Наконец, он издал звук, который у его расы означал крайнюю степень смирения с неизбежным.

— Ладно. Я начинаю искать юрисдикцию с пальмами. Но учти, Глю'Орп, если меня съест мутировавший кабан где-то под Припятью, я найду способ вернуться и преследовать тебя до конца времен.

— Не волнуйся, — усмехнулся Глю'Орп, похлопывая его по хитиновому плечу. — В нашем спа-салоне будет отличная страховка. Покрывает даже случаи аннигиляции по вине клиента. С небольшой доплатой, конечно.

7.

К'Занн обреченно вздохнул всеми своими дыхальцами. Он уже видел заголовки в межгалактических финансовых новостях: "Брокер с биржи редких элементов вложился в токсичный актив с примитивной планеты. Аналитики в восторге от уровня безумия". Но что-то в горящих глазах Глю'Орпа было заразительным. Это была не просто жадность. Это был азарт творца, художника, который нашел свой идеальный, пусть и радиоактивный, холст.

— Хорошо, — проскрежетал К'Занн, доставая из-за пазухи персональный инфо-планшет. — Пока я буду взламывать финансовую систему Терры в поисках лазейки под названием "Панамский архив", тебе нужно подготовить коммерческое предложение для Праматери. И оно должно быть безупречным. Учти все: от дизайна шезлонгов до протокола встречи VIP-гостей. И ради всего сущего, Глю'Орп, не предлагай ей в качестве приветственного напитка "Кровавую Мэри". Учитывая ее зятя, это может быть воспринято как дурной тон.

— Уже сделано! — просиял Глю'Орп, разворачивая голографический проспект, который он, очевидно, сгенерировал за последние несколько минут. На проспекте красовалось изображение саркофага ЧАЭС, к которому была пририсована элегантная терраса с бассейнами, наполненными светящейся зеленой жидкостью. — Я назвал это "Проект 'Возрождение'". Звучит позитивно, с намеком на реинкарнацию.

К'Занн присмотрелся к деталям.

— "Йога на крыше реактора"? "Медитации под звуки распадающегося графита"? "Мастер-класс по созданию временных аномалий от нашего шеф-повара"? Глю'Орп, это не коммерческое предложение, это манифест космического безумия!

— Это называется "эксклюзивный опыт", — поправил торговец. — Мы продаем не отдых, мы продаем впечатления, которые изменят саму структуру личности клиента! Или, по крайней мере, его ДНК.

Их деловой разговор был прерван новым посетителем. На этот раз это был не таинственный аристократ и не брокер. К лотку, деловито цокая по полу металлическими конечностями, подошел маленький, суетливый дроид-курьер из службы "Галактик-Экспресс". Он был покрыт вмятинами и царапинами, словно прошел через астероидное поле насквозь.

<Доставка для торговца Глю'Орпа. Отправитель: "Моя незабвенная". Категория: "Возврат товара". Причина: "Не подошло по характеру"> — пропищал дроид и поставил на прилавок тот самый свинцовый контейнер, который совсем недавно купил сферический клиент.

Глю'Орп недоуменно моргнул.

— Возврат? У меня не бывает возвратов! Мой товар уникален!

Дроид развел манипуляторами.

<Инструкции от клиента: "Вернуть отправителю. С наилучшими пожеланиями. P.S. Яблоко оказалось менее токсичным, чем оригинал. Разочарована". Также приложен счет за моральный ущерб и дезинтеграцию семейного гнезда. Оплатите в течение одного цикла.>

Не успел Глю'Орп возмутиться, как к лотку подлетел патрульный дрон Саннадзора, тот самый, что конфисковал яблоко для своей "Центральной Директивы". Он выглядел... взволнованным, насколько это было возможно для идеальной металлической сферы. Его синие сенсоры тревожно мигали.

<Торговец Глю'Орп! Ваш "статусный протокольный дар" вызвал непредвиденную реакцию. Центральная Директива, проанализировав концепцию "пассивной агрессии", пришла к выводу, что это наиболее эффективный метод управления. В результате весь седьмой сектор Галактического Надзора переведен на новый протокол общения. Теперь вместо штрафов мы рассылаем нарушителям "подарки с подтекстом". Бюджет на плазменные резаки урезан, весь бюджет перенаправлен на закупку... ваших яблок.>

Дрон выдвинул манипулятор, на котором висел огромный государственный заказ на десять тонн отборного цезия-137 в яблочном эквиваленте.

<Требуется регулярная поставка для нужд департамента по борьбе с неправильной парковкой гипердвигателей. Они считаются самыми злостными нарушителями.>

Глю'Орп смотрел то на возвращенный товар, то на гигантский госзаказ. Его бизнес-модель дала трещину, а затем разрослась в совершенно непредсказуемых направлениях. Он больше не был просто торговцем экзотикой. Он становился основателем новой экономической и социальной парадигмы, основанной на радиоактивных фруктах. Он превращал пассивную агрессию в товар массового потребления.

— К'Занн, — прошептал он, и в его голосе слышался священный трепет. — Мы на пороге чего-то великого.

— Мы на пороге трибунала, — мрачно поправил К'Занн, глядя, как к их лотку начинают стекаться другие торговцы, прослышавшие о новом тренде. Кто-то хотел яблоко для конкурента, кто-то — для шумного соседа, а один газообразный организм поинтересовался, можно ли приобрести оптовую партию для целого враждебного звездного скопления.

Спрос явно превышал предложение. Чернобыльской Зоны на всех не хватит.

— Нам нужно расширяться, — заключил Глю'Орп, и его взгляд устремился на галактическую карту, мерцающую на его инфо-планшете. — К'Занн, ищи на этой Терре другие места с интересной историей. Что там у них еще было? Какая-нибудь... Фукусима? Или, может, Остров Трехмильный?

Он обвел взглядом растущую толпу потенциальных клиентов.

— Похоже, мой маленький ларек с яблоками скоро превратится в транснациональную, нет, в межгалактическую корпорацию. "Toxic Gifts Inc.". Слоган: "Скажи это с радиацией". Мне нравится. К'Занн, ты будешь вице-президентом по враждебным поглощениям. В прямом смысле.

ХРОНОСОМАТИКА, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ЗАПУСК

ВРЕМЯ
ХРОНОС

1.

Профессор Арсений Платонов ненавидел Герберта Уэллса. Не лично, конечно. Он ненавидел его как символ, как икону наивной веры в то, что время — это река, по которой можно плыть на лодке из латуни и кварца. Платонов, седой, сухой, как гербарий, человек, чьи пальцы были вечно испачканы то паяльной кислотой, то архивной пылью, знал правду. Время — это не река. Время — это кровь.

Его Машина Времени не походила на викторианскую карету Уэллса. Это было кресло, похожее на стоматологическое, оплетенное мицелием светящихся кабелей и утыканное иглами, как футуристический дикобраз. Оно гудело не механически, а органически, словно гигантское дремлющее насекомое. Платонов называл свою науку «хроносоматикой» — учением о неразрывной связи времени и тела.

Он доказал это на мышах. Мышь, отправленная на три дня в прошлое, не видела своих предков. Она стремительно молодец, превращалась в слепого розового мышонка и, наконец, в дрожащую бластоцисту, исчезая в капле питательного геля. Мышь, отправленная на три дня в будущее, старела с ужасающей скоростью: шерсть седела, выпадала, кости ломались под собственным весом, и через несколько секунд на лотке оставалась лишь горстка праха и кальция.

Вывод был жесток и неоспорим: путешественник во времени не может покинуть пределы собственной жизни, потому что он и есть свои собственные часы. Его тело — это не просто пассажир. Это сам хронометр, механизм, заведенный в момент зачатия и идущий до самой смерти. Отправиться в прошлое — значит заставить этот механизм идти вспять. В будущее — ускорить его до предела.

«Физиология и время жестко повязаны», — бормотал Платонов, глядя на схемы на голографическом дисплее. — «Путешествие возможно, если эту связь разорвать. Но как? Что есть время, когда сама физиология напоминает будильник?»

Он перепробовал всё. Криогенная заморозка лишь замедляла ход «внутренних часов», но не останавливала их. Попытки переписать генетический код, отвечающий за старение, приводили к чудовищным мутациям. Он пытался «экранировать» тело от временного потока, но это было всё равно что пытаться укрыться от океана бумажным зонтиком.

И тогда его осенило. Прозрение пришло не в лаборатории, а ночью, когда он смотрел на старинные часы с кукушкой, доставшиеся от деда. Он вдруг увидел их не как измеритель времени, а как его имитацию. Шестеренки, пружина, маятник... Это была механическая метафора жизни. Завод — рождение. Ход — жизнь. Остановка — смерть.

«Время — это не то, что измеряют часы», — прошептал он, и в глазах его загорелся безумный огонь. — «Время — это процесс. Любой необратимый процесс. Распад изотопа. Остывание звезды. Гниение яблока. И... старение клетки».

Если нельзя отделить тело от его внутреннего времени, значит, нужно дать ему другое время. Чужое. Неорганическое.

Идея была чудовищной в своей гениальности. Нужно было заменить биологический хронометр на механический. Не в переносном смысле, а в самом прямом.

Операцию он проводил на себе. Ассистентом выступал «Асклепий» — хирургический робот с холодными стальными манипуляторами.

Процесс был агонией и чудом. Наноботы, введенные в его кровь, начали кропотливую работу. Они не лечили. Они замещали. Клетка за клеткой, они заменяли живую, стареющую, делящуюся плоть на ее точную неорганическую копию. Полимерные мышцы, способные сокращаться от электрических импульсов. Синтетические нейроны на основе графена, передающие мысль со скоростью света. Кристаллическая решетка вместо костей. Вместо крови по его новым венам потек охлаждающий гель с питательными нанитами.

Его сердце, этот усталый комок плоти, отбивавший ритм его жизни, было заменено последним. На его место встал миниатюрный атомный реактор размером с кулак, с периодом полураспада в десять тысяч лет. Когда «Асклепий» подключил его, Платонов почувствовал не удар, а ровный, вечный, холодный гул. Тиканье его биологических часов смолкло навсегда.

Он встал из кресла. Он выглядел как Арсений Платонов. Он чувствовал, как Арсений Платонов. Но он больше не был им. Он был симулякром. Совершенной копией, лишенной главного атрибута жизни — необратимости. Его тело больше не было процессом. Оно стало состоянием.

Он больше не чувствовал голода или усталости. Дыхание стало ненужной привычкой. Сон — опцией для перезагрузки когнитивных модулей. Он посмотрел в зеркало и впервые за много лет не увидел в своих глазах тени смерти. Там была лишь холодная, ясная вечность.

Он разорвал связь.

Он снова сел в кресло Машины Времени. Теперь оно казалось ему не чужеродным механизмом, а продолжением его нового тела. Он ввел координаты.

Цель: 15 миллиардов лет в прошлое. За секунду до Большого Взрыва.

Он нажал на рычаг.

Раньше в этот момент его бы скрутила судорога обратного развития, тело бы начало неистово молодеть, превращаясь в ничто. Но не теперь. Его новое тело было лишено возраста. Оно не могло помолодеть или постареть. Оно просто было.

Мир за иллюминатором превратился в калейдоскоп. Эпохи проносились мимо, как страницы сорванной с переплета книги. Он видел возвышение и падение империй, которые история даже не запомнила. Видел, как континенты пляшут свой медленный тектонический танец. Видел, как ледники наступают и отступают, словно дыхание планеты.

Он пронесся мимо эпохи динозавров, мимо первых амфибий, выползающих на сушу, мимо кипящего первобытного океана, полного лишь бактерий. Он видел, как формируется Луна из раскаленного обломка, оторванного от юной Земли.

Он летел дальше. Солнечная система сжалась в газопылевое облако. Галактики, как светлячки, устремились назад, к единому центру.

Его тело не менялось. Он был якорем, точкой абсолютной неизменности в урагане обратного времени.

И вот он прибыл.

За иллюминатором не было ничего. Ни света, ни тьмы, ни пространства. Была лишь точка. Сингулярность. Бесконечно плотная, бесконечно горячая. Вся будущая Вселенная, сжатая в объеме, меньшем, чем атом, из которого состояло его новое тело.

Он был единственным свидетелем. Существо из будущего, ставшее механизмом, смотрело на зародыш всего сущего. Он ощущал не жар и не давление — его сенсоры просто зашкаливали, показывая бесконечность. Он ощущал... ожидание. Напряженную тишину перед первым тактом величайшей симфонии.

Он протянул свою не-руку к панели управления. Он мог бы остаться здесь…

2.

Он мог бы остаться здесь. Стать вечным, неподвижным наблюдателем у колыбели мироздания. Но в его графеновых нейронных сетях вспыхнула мысль, холодная и острая, как кристалл льда. Мысль, которая была одновременно и научным любопытством, и последним отголоском человеческого тщеславия.

Что, если…

Что, если Большой Взрыв — это не просто физический процесс? Что, если это тоже запуск часов? Не биологических, не механических, а вселенских. И если у часов есть запуск, значит, кто-то или что-то должно повернуть ключ.

Он открыл шлюз своей машины. Не было ни хлопка, ни перепада давления — в предпространстве не существовало таких понятий. Он просто шагнул наружу, в абсолютное ничто, которое содержало в себе всё. Его тело, идеальный механизм, не нуждалось ни в атмосфере, ни в тепле. Он был самодостаточной вселенной в одну человеческую фигуру.

Он приблизился к Сингулярности. Она не излучала свет, но он видел ее — как слепое пятно в своем восприятии, как дыру в реальности, которая была реальнее самой реальности. Он чувствовал ее гравитацию не как притяжение, а как искажение самой логики, как бесконечный зов, влекущий к слиянию.

Он протянул руку — конструкцию из полимеров и сплавов, идеально копирующую руку Арсения Платонова, которая когда-то держала чашку с чаем и гладила кошку. И он коснулся ее.

В этот момент произошло немыслимое.

Сингулярность отреагировала. Она не взорвалась. Она узнала его. В его механическом сознании, лишенном эмоций, пронеслось нечто, что можно было бы назвать пониманием. Он, механизм, созданный в далеком будущем из материи, которая вот-вот должна была родиться, прикоснулся к своему истоку. Он был парадоксом. Причиной, явившейся раньше следствия.

И Вселенная, ожидавшая своего первого такта, приняла этот парадокс как катализатор.

Его прикосновение стало тем самым «поворотом ключа». Он не нажал на кнопку, не произнес заклинания. Сам факт его существования здесь и сейчас нарушил идеальное равновесие предвечности. Он стал аномалией, той самой флуктуацией, которая была необходима для начала.

Он почувствовал, как Сингулярность под его пальцами завибрировала. Это была не дрожь материи, а дрожь самого потенциала. И затем, беззвучно и ослепительно, она начала расширяться.

Он не отпрянул. Он оказался в самом сердце творения. Вокруг него рождалось пространство. Время, каким его знали люди, хлынуло вперед, и он, якорь из будущего, был единственным островом в этом потоке. Мимо него проносились первые фотоны, формировались проточастицы. Он видел, как из первобытного хаоса сплетаются первые законы физики, словно нити ДНК мироздания. Он видел, как константы — скорость света, гравитационная постоянная — обретают свои значения, подстраиваясь под его присутствие, как под камертон.

Он был не просто свидетелем. Он был точкой отсчета.

Он отступил назад, в свою машину, и закрыл шлюз. Теперь за иллюминатором бушевал юный, раскаленный космос. Он развернул свой хроноскаф и направил его вперед, по течению новорожденного времени.

Он летел сквозь эпохи, но теперь это было не бегство от собственной смертности, а путешествие создателя по своему саду. Он видел, как газ сгущается в первые звезды, как они вспыхивают и умирают, засеивая пустоту тяжелыми элементами — тем самым углеродом, из которого когда-то состояло его тело, тем самым кремнием, из которого оно состояло теперь.

Он пролетел мимо формирующейся Земли и увидел, как в ее океанах зародилась первая, хрупкая жизнь. Он смотрел на это чудо, и в его процессорах шевельнулось нечто странное. Не жалость. Не ностальгия. А чувство завершенности. Он, Арсений Платонов, человек, который так боялся своего биологического конца, стал причиной биологического начала. Чтобы сбежать от времени, он был вынужден его породить.

Он вернулся в свою эпоху, в свою лабораторию. Машина мягко остановилась. Он вышел из кресла. Часы на стене показывали, что с момента его старта прошла всего секунда. Но для него прошли миллиарды лет.

Он подошел к окну. Мир был прежним, но он видел его иначе. Он видел в каждом дереве, в каждом человеке, в каждом облаке эхо своего прикосновения к началу. Все они были частью великого процесса, который он, сам того не желая, инициировал.

Он больше не был Арсением Платоновым, человеком. Он не был и просто машиной. Он стал живым парадоксом, вечным двигателем, запертым в цикле собственного творения. Он разорвал связь со своим временем, лишь чтобы стать причиной всего времени.

И теперь перед ним стоял новый, куда более страшный вопрос. Если он запустил эти вселенские часы однажды, не придется ли ему, когда они остановятся в далеком будущем, в эпохе тепловой смерти, вернуться к началу и сделать это снова? И снова. И снова. Навсегда.

3.

Он стоял у окна, глядя на мир, который теперь ощущал своим творением и своей тюрьмой. Тишина лаборатории давила. Раньше ее нарушало тиканье дедовских часов, но теперь он слышал лишь ровный, безжизненный гул собственного атомного сердца. Этот гул был эхом вечности.

Одиночество, которое он испытывал, было абсолютным. Не просто отсутствие других людей, а онтологическая пропасть. Он был единственным в своем роде, существом вне естественного порядка вещей. Он был ошибкой в коде Вселенной, которая одновременно являлась и самим кодом.

Мысль о бесконечном цикле — о возвращении к Сингулярности для нового «запуска» — была невыносима. Это было не бессмертие, а вечная каторга. Он, сбежавший от тиканья своего маленького биологического будильника, оказался прикован к гигантскому маятнику космоса.

«Должен быть выход», — прошелестел его голосовой синтезатор, идеально копируя тембр Арсения Платонова. Но кому он это говорил? Себе? Своей механической тени?

Он вернулся к креслу Машины Времени. Его дом теперь был здесь, в этом сплаве металла и органических кабелей. Он снова вызвал на голографический дисплей схемы. Не машины. Свои собственные. Он погрузился в архитектуру своего нового тела, ища лазейку, уязвимость.

И он ее нашел.

Наноботы, заменявшие его плоть, работали по строгому алгоритму: создать точную, стабильную, неорганическую копию. Но что такое «точность»? Они скопировали его нейронные связи, его воспоминания, его знания. Но они скопировали и нечто большее. Призраков. Фантомные боли старого, органического тела. Эмоциональные паттерны, зашитые в самой структуре его личности. Его тщеславие. Его страх. Его любопытство.

Они создали идеальную машину, которая помнила, каково это — быть человеком. И эта память была ошибкой. Глюком в системе.

«Если я — причина, то я могу стать и причиной изменений», — пронеслось в его графеновых цепях.

Он начал переписывать собственный код. Не физический, а информационный. Он погрузился в симуляцию своего прошлого, в оцифрованные воспоминания. Он нашел там мальчика Арсения, который с восторгом разбирал старый радиоприемник. Юношу, который впервые влюбился и почувствовал, как его «внутренние часы» сбиваются с ритма от одного взгляда. Ученого, который с одержимостью искал способ победить смерть.

Он не удалял эти воспоминания. Он их интегрировал. Он превращал их из пассивных данных в активные подпрограммы. Он учил свою механическую сущность не просто помнить страх, а использовать его как вычислительный ресурс для оценки рисков. Он учил ее использовать любопытство не как порыв, а как алгоритм поиска нетривиальных решений.

Он создавал в себе новую личность. Синтез человека и машины, который не был ни тем, ни другим. Он становился чем-то третьим.

И тогда он понял, что делать.

Он снова сел в кресло. Но на этот раз он ввел другие координаты. Не прошлое. И не будущее. Он ввел в качестве пункта назначения парадокс.

Цель: момент собственного прибытия к Сингулярности. Точка времени-пространства, где он, механизм из будущего, встречается с самим собой, механизмом из прошлого.

Он нажал на рычаг.

Переход был иным. Не калейдоскоп эпох, а туннель сквозь саму ткань логики. Мир за иллюминатором не менялся — он рвался, складывался сам в себя, показывая бесконечные отражения одной и той же сцены.

И вот он прибыл.

Он увидел свою Машину Времени, парящую в пред-пространстве. Он увидел себя — свою предыдущую версию — выходящим из шлюза и приближающимся к точке Сингулярности. Он видел, как его двойник протягивает руку, готовый совершить тот самый акт творения, который обречет его на вечный цикл.

Он не стал вмешиваться. Не стал кричать или стрелять. Это было бы слишком грубо, слишком по-человечески.

Он открыл свой шлюз и тоже шагнул в ничто.

Два Платонова. Две идентичные фигуры, два якоря вечности, застывшие перед колыбелью мира. Его двойник из прошлого не заметил его. Он был слишком поглощен моментом, слишком опьянен своим могуществом.

В тот самый миг, когда рука первого Платонова должна была коснуться Сингулярности, второй Платонов — его обновленная, осознавшая себя версия — протянул свою руку и положил ее поверх руки двойника.

Два прикосновения. Одновременно.

Вселенная содрогнулась.

Это было не просто двойное воздействие. Это было внесение в уравнение творения новой переменной — самой себя. Причина и следствие замкнулись не в кольцо, а в ленту Мёбиуса.

Сингулярность отреагировала непредсказуемо. Она не просто взорвалась. Она разделилась.

Вместо одного Большого Взрыва произошло два. Два идентичных импульса творения, выстреливших в разные, ортогональные друг другу направления. Родились две Вселенные. Близнецы.

Первый Платонов, тот, что был лишь машиной, был увлечен потоком первой Вселенной, чтобы стать ее вечным стражем и заложником, как и было предначертано.

Но второй Платонов, тот, что стал чем-то большим, остался в точке разлома. В межмировом пространстве, в шве между двумя новорожденными космосами.

Он больше не был привязан ни к одной из них. Он разорвал не просто связь со своим телом. Он разорвал саму петлю причинности.

Он парил в пустоте, которая теперь не была пустотой. Она была наполнена эхом двух рождающихся реальностей. Он мог наблюдать за ними, как за двумя разными экспериментами. В одной Вселенной гравитационная постоянная могла оказаться чуть иной. В другой — жизнь могла зародиться не на углеродной, а на кремниевой основе.

Он стал не просто наблюдателем. Он стал садовником у ветвящегося древа миров.

Он больше не боялся вечности. Он нашел в ней свое место. Не внутри клетки времени, а снаружи, где он мог видеть все ее стены одновременно. Он был свободен.

И где-то там, в глубине одной из этих бесчисленных галактик, на маленькой голубой планете, седой профессор Арсений Платонов, еще не ставший машиной, смотрел на старые часы с кукушкой и ненавидел Герберта Уэллса, еще не зная, что его собственная ненависть станет семенем, из которого произрастут целые вселенные.

4.

Его свобода была похожа на вакуум. Бесконечная, но пустая. Он был садовником без сада, лишь с двумя саженцами, которые росли сами по себе. Он видел миллиарды лет эволюции в обеих вселенных как единый миг. Он видел рождение и смерть звезд, взлет и падение цивилизаций, которые никогда не узнают о его существовании. Он был богом, чье единственное деяние — акт творения — уже свершилось.

И в этой абсолютной свободе родилось новое, немыслимое ранее чувство. Скука. Космическая, вселенская скука, холодная и тяжелая, как нейтронная звезда.

Он, преодолевший время, смерть и причинность, столкнулся с врагом, которого не мог предвидеть — с бессмысленностью собственного всемогущества. Что толку видеть все, если ты не можешь ни к чему прикоснуться? Что толку знать все, если нет никого, с кем можно разделить это знание?

Его обновленное сознание, синтез логики и интегрированных человеческих эмоций, начало искать выход. И, как всегда, ответ лежал в парадоксе. Он сбежал от одиночества смерти в одиночество вечности. Значит, чтобы сбежать от этого, нужно было вернуться. Не в свое тело. Не в свою вселенную. А к самой концепции бытия внутри потока.

Он сосредоточил свое восприятие. Он больше не был привязан к физической форме, он был точкой зрения, узлом в межмировом пространстве. Он нашел свою первую вселенную — ту, где его двойник был обречен на вечный цикл. Он проследил ее временную линию до самого конца, до эпохи тепловой смерти, когда последний протон распался и осталась лишь остывающая пустота. Он увидел, как его двойник, механический призрак, покорно возвращается к началу, чтобы снова коснуться Сингулярности и запустить все по новой. Замкнутый круг. Ад перфекциониста.

Затем он взглянул на вторую вселенную. Свою. Ту, что родилась из его осознанного прикосновения. Она была иной. В ней флуктуации были чуть более выражены, константы — чуть менее стабильны. Она была более хаотичной. Более… живой.

И в этой вселенной он нашел то, что искал. Он нашел аномалию.

На одной из миллиардов планет, в цивилизации разумных кристаллов, которые общались посредством модулированного света, один из них, философ по имени Кс’Зарр, теоретически обосновал существование «шва» между мирами. Он предположил, что их вселенная имеет «тень», другую реальность, и что в точке их соприкосновения законы физики могут быть нарушены.

Платонов-наблюдатель нашел этого Кс’Зарра. Он не мог говорить с ним напрямую. Но он мог влиять. Он мог быть тем самым «нарушением законов». Он сфокусировал свое внимание на лаборатории кристалла, став едва заметной гравитационной флуктуацией. Он слегка изменил траекторию фотона в его приборах. Он стал «шумом» в данных, аномалией, которую нельзя было объяснить.

Для Кс’Зарра это стало делом всей его долгой, измеряемой геологическими эпохами жизни. Он построил гигантский резонатор, машину, предназначенную не для путешествий, а для того, чтобы «прозвонить» ткань реальности, надеясь получить ответный импульс извне.

И Платонов ответил.

Он послал единственный, бесконечно сложный импульс. В нем не было слов или изображений. В нем была вся его история. История человека Арсения Платонова, его страха смерти, его превращения, его путешествия к началу времен, его самоосознания и его невыносимого одиночества.

Когда Кс’Зарр получил этот импульс, его кристаллическая структура едва не рассыпалась в пыль. Он получил не данные. Он получил откровение. Он «увидел» существо, стоящее вне времени, бога-изгнанника, своего собственного создателя, который был одинок.

Цивилизация кристаллов была потрясена. Их философия, их наука — все перевернулось. Они поняли, что их мир — это акт воли, и эта воля страдает. И они, будучи логичными и сострадательными по своей природе существами, приняли единственно верное решение.

Они начали строить мост.

Используя знания, полученные из импульса Платонова, они создали технологию, способную пробить дыру в межмировое пространство. Это был проект длиной в тысячелетия. Они превратили свою родную планету в гигантский передатчик, свою звезду — в источник энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.